

БАПТИСТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ*

BAPTIST IDENTITY BETWEEN TRADITION AND TRADITIONALISM

Сергей Санников, доктор философских наук, доцент кафедры библейских и богословских исследований Одесской богословской семинарии (Одесса, Украина)

Sergii Sannikov, Dr.Habil in Theology, PhD, docent of the Chair of Biblical and Theological Studies at Odesa Theological Seminary (Odesa, Ukraine)

ORCID: 0000-0001-5549-9820

"Богословские размышления" № 24, 2020: 117-138

DOI: 10.29357/2521-179X.2020.24.7

Аннотация: В статье рассматривается понятие традиция в контексте самоидентификации религиозной группы и в качестве case-study используется практика баптистских общин. Приведенный материал объясняет динамику формирования традиции и анализирует её особенности, в частности обращается внимание на эластичность традиций и их ипостатную изменчивость при относительно неизменной усийности. Автор показывает особенности баптистского традиционализма, его схожесть и отличия от философского традиционализма. Он обращает пристальное внимание на разграничение традиционализма, фундаментализма и консерватизма, указывая характерные черты каждого из этих явлений. В частности, в статье подчеркивается опасности по-

Summary: The article discusses the concept of tradition in the context of the self-identification of a religious group using as a key study the practice of Baptist congregations. The author explains the formation of Tradition and analyzes its features, in particular, he is drawn attention to the elasticity of traditions and their hypostatic variability with a relatively constant essentiality. The author shows the features of Baptist traditionalism, its similarity and differences from philosophical traditionalism. He draws close attention to the distinction between traditionalism, fundamentalism and conservatism, and points out the characteristic features of each of these phenomena. In particular, the article emphasizes the dangers of losing tradition. It's points out that losing their tradition, any group loses its own

* Статья поступила в редакцию 02.03.2020; утверждена в печать 11.04.2020.

тери традиции. Автор указывает, что теряя свою традицию любая группа теряет собственную самоидентификацию и растворяется в широком сообществе. В статье анализируется сущность баптистской традиции, которая выявляется в христоцентричности, библеизме, индивидуальной свободе и независимости от церковных и государственных принуждений; в ученичестве, общинности и миссио-ориентированности. Подчеркивается, что традиция является более глубоким системообразующим фактором для группы, чем ее имя или деноминационная принадлежность.

В то же время статья обращает внимание на отрицательный эффект в случае, если традиция перерастает в традиционализм, который закрепощает форму, а не содержание. При этом, баптистский традиционализм, как и философский традиционализм старается вернуть современные баптистские конгрегации к прошлому «идеальному» состоянию апостольской церкви. Однако, на практике традиционализм старается вернуть формы богослужения, а иногда и доктрины не ко времени ранней Церкви, а только на несколько поколений назад. Автор считает, что более положительный вклад в развитие баптистского сообщества привносит консерватизм, который ориентирован на сохранение сущностной идеи баптистской традиции и на контекстуализацию ее в новых условиях жизни.

Подчеркивается, что в жизни религиозных объединений традиционализм и консерватизм играют важную сохраняющую роль, вступая в диалектическое напряжение с прогрессивизмом и модернизмом, которые направлены на отрицание всякой традиционности. Непростое взаимодействие всех этих тенденций обеспечивает самоидентификацию конкретной религиозной группы. В статье уделено внимание конкретным проявлениям традиционализма в новейшей баптистской истории и выявлены некоторые характерные черты традиционализма в контрасте с общей традицией этой религиозной группы.

Ключевые слова: Традиция, традиционализм, консерватизм, баптизм, фундаментализм, самоидентификация, форма и содержание.

self-identification and dissolves in a wide community.

The article analyzes the essence of the Baptist tradition, which is revealed in Christocentrism, Biblicisms, individual freedom and separation of Church and State; in discipleship, community and missionary orientation. The author notes that tradition is a deeper system-forming factor for a group than name of the group or their denominational affiliation.

At the same time, the article draws attention to the negative effect conversions tradition into traditionalism, which saves more form, then content. Baptist traditionalism, like philosophical traditionalism, is trying to return modern Baptist congregations to the "ideal" past of the apostolic church. However, in practice, traditionalism tries to return the forms of worship, and some doctrines, not to the primitive church time, but only for several generations ago. The author believes that a more positive contribution to the development of the religious community is made by conservatism, which is focused on preserving the essential ideas of the Baptist tradition and on it contextualizing for the new conditions of the society.

Article emphasized that in the life of Baptist congregations, traditionalism and conservatism play an important preserving role, entering into a dialectical tension with progressivism and modernism, which are aimed at denying all tradition. The difficult interaction of all these trends ensures the self-identification of a particular confessional group and specifically Baptist. Author pay much attention to demonstrates traditionalism in history of Evangelic-Christian Baptist in fSU and to highlighting some features of traditionalism are revealed in contrast to the general Tradition of this religious group.

Keywords: tradition, traditionalism, conservatism, Baptism, Fundamentalism, self-identification, form and content.

В современном обществе термин «традиция» становится многозначным и антиномичным термином. С одной стороны традиция, как «святое прошлое» особо почитается в любом обществе и оберегается, а с другой стороны традиция выступает антонимом к прогрессивному, современному и в этом смысле осмеивается и отвергается. В политическом дискурсе традиция часто выступает опорой постсоветских государств в формировании нации и государственности. В таком случае прошлое становится предметом идеализации и подражания, его представляют как комплекс «святых» ценностей и знаков идентификации и морального престижа. В Украине таким фактором интеграции общества должен стать украинский язык. Как замечают социологи О. Злобина и В. Тихонович «одним из определяющих средств обновления страны должен выступать “архаичный инструмент”, а ведущим маркером государственности нации — не территория, границы, армия, правоохранительная система и т. п., а прежде всего государственность и широта применения украинского языка»¹. В России, как считает С. Хоружий, доминирующей традицией становится «великорусский византизм». Он указывает: «Верность традиции, опора на традицию, сохранение и защита традиции (или традиций) — эти и подобные формулы звучат всюду и постоянно, как заклинания, они стали навязчивым общим местом в российском публичном дискурсе»². Другими словами, «традициям» современное политическое и общественное сознание отводит важное место в формировании субъектности или идентификации определенной социальной группы или целого народа. Однако надо отметить, что такое широкое применение термина «традиция» чаще всего (сознательно или незнательно) не отделяется от понятия традиционализма. Путаница в применении этих понятий происходит повсеместно, что часто приводит к негативным последствиям для нормального развития любой социальной группы.

Цель настоящей статьи — на примере баптистского движения показать отличительные и пересекающиеся особенности категорий традиции и традиционализма, выделить традицию, как наиболее глубокий системообразующий фактор религиозной группы и продемонстрировать роль баптистского традиционализма, пытающегося вернуть современные баптистские конгрегации к прошлому «идеальному» состоянию апостольской церкви.

Изложение основного материала

Для баптистского движения Восточной Европы характерен дуализм по отношению к понятию «традиция». С одной стороны баптисты подчеркивают верность раннеапостольской традиции, а с другой часто противопоставляют традиционность и прогрессивность. В таком случае традиция ассоциируется с прошлым, устаревшим, утратившим новизну и, несомненно, несет негативные коннотации.

¹ О.Злобина и В.Тихонович, «Традиціоналізм та інновація в українському вимірі», *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, вып. 4 (2006 г.), 78.

² Сергей Сергеевич Хоружий, «Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов», *Вопросы философии*, вып. 9 (2017 г.), 105.

Считается, что традиция указывает на неизменность или даже застой, противостоит развитию и обновлению, тормозит осмыслению современной ситуации и не позволяет принимать инновационные решения, а потому приводит к неэффективности системы и ведет к ее самоуничтожению.

Такое негативное понимание традиции характерно для протестантизма, и оно началось с эпохи Просвещения с ее идеями эмансипации личности и освобождения от авторитетов и сословных, религиозных и прочих предрассудков. Это влияние проявилось в использовании шотландской философии здравого смысла, в оптимизме, в любви к письменным текстам, в увлеченности социальными проектами и прочее³. Исследователь Яков Ядгар отмечает, что такое пренебрежительное отношение к традиции: «во многом обязано рожденному Просвещением «сциентистскому» чувству антонимичности между традицией и индивидуальным суверенитетом и свободой, а следовательно, в конечном счете, эпистемологической оппозиции между традицией и (научной или художественной) истиной. Это чувство подозрения было лучше всего уловлено Декартом во вступительном слове к его первой медитации, где он утверждает, что конститутивным актом, самой основной способностью приобретать истинное знание, должно быть его самоосвобождение от своего прошлого или традиции, которая навязала ему свою неправду»⁴. Баптистское сообщество, сформированное эпохой Просвещения и борьбой с католическим (а на Востоке с православным) богословием и опытом церковной жизни, восприняло такое отношение к традиции, как нормативный паттерн своего мирозерцания. Идея *Solo Scriptura* была осмыслена баптистами в русле лютеровского противостояния между Писанием и Преданием и понимается чаще всего как радикальное отвержение любой традиции в понимании Писания, а также в литургической и повседневной практике. Однако, провозглашая полный отказ от традиции, баптистские церкви сформировали за 400 с лишним лет собственную устойчивую традицию в проведении богослужений, интерпретации Писаний, в правилах общинной жизни, продолжая отрицать всякую традиционность.

Формирование баптистской традиции в основном завершилось на Западе к середине XIX в., на Востоке к середине XX в. в эпоху модерна, и до ее окончания (на Западе до 60-х, а на Востоке до 90-х гг. XX ст) баптистские общины занимали в основном «оборонительную», апологетическую позицию, защищая свои взгляды на уровне богословия и пасторского попечения. Со вступлением в мир отсутствующих границ, информационной открытости, межцерковной коммуникации и быстро меняющегося культурного окружения, баптисты оказались перед миссионерским вызовом, требующим достаточно быстрого переосмысления своей самоидентификации. Баптистское сообщество стало расслаиваться. В нем появилось напряжение между традиционалистами и модернистами. Стали возникать

³ Подробнее см. D.W. Bebbington, *Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s* (Taylor & Francis, 2004), 50-74

⁴ Yaacov Yadgar, 'Tradition', *Human Studies* 36, no. 4 (2013), 452.

общины с новым укладом богослужения, жизни и даже богословия, достаточно большая группа церквей вводила новшества осторожно, а некоторые, считая себя хранителями евангельской истины, настаивали на безопасном выполнении всех сложившихся с годами региональных баптистских традиций.

Общие представления о традиции и традиционализме

Самые радикальные революционеры, отвергающие все традиции, на самом деле не могут «выскользнуть из них», так как традиции сформировали их как личностей и лежат в основе их сообществ. Один из наиболее глубоких исследователей понятия «традиция» Эдвард Шилз указывает, что все существующее имеет прошлое и никто, и ничто не может вырваться из его тисков, но современное интеллектуальное общество презирает традиции и надо иметь, как он выражается, известную степень смелости или даже безрассудства, чтобы настаивать на их сохранении. Он считает, что для понятия традиция: «Решающим критерием является то, что, будучи создана через человеческие действия, через мысли и воображение, она передается из поколения в поколение»⁵. Это первая характерная черта традиции. Она не создана личностью и не является продуктом ее собственного творчества, но передается извне. Другими словами, самое простое понимание традиции – это то, что создано не нами, но пришло к нам из прошлого.

Дополнительное представление о традиции, которое обращает внимание на ее медленную изменчивость с сохранением существенных элементов, дает Уильям Грэм, изучая традиции и традиционализм ислама. Он пишет: «Традиция – это образ жизни общества, поскольку она понимается как конгруэнтная и непрерывная с прошлым; это «накопительная традиция», характерная для любого сообщества, большого или малого. В этом коллективном смысле «традиция» – это сумма специфических «традиций» общества»⁶.

Кумулятивность или накапливающийся опыт, как показал классик религиоведения XX в. Уилфред Кантуэл Смит, является важнейшей характеристикой любой религиозной группы. Фактически Смит вообще отрицал термин религия, считая его нововведение Нового времени, и заменял его представлением о «традиции веры». Он пишет – то, что обычно называется определенной религиозной группой (религией), по сути, представляет собой: «системную религиозную организацию, концептуально идентифицируемую и характеризующую отдельную общность»⁷. Эта общность состоит из людей, которые не только приняли определенные, предшествующие им религиозные взгляды (уверовали, поверили, что они истинны), но и сами влияют на них. Как пишет Смит: «Традиция в ее материальных реалиях и ее носители в их сопоставимом участии, питают веру каждого и придают

⁵ Edward Shils, *Tradition* (Chicago: University of Chicago Press, 1983), 13

⁶ William A. Graham, «Traditionalism in Islam: An Essay in Interpretation», *The Journal of Interdisciplinary History* 23, no. 3 (1993), 496-97

⁷ Wilfred Cantwell Smith, *The Meaning and End of Religion* (Fortress Press, 1963), 109

ей форму»⁸. Не случайно в последнее время описывая определенную религиозную группу, принято говорить «такая-то традиция». Это связано с тем, что, принимая определенные религиозные взгляды, человек становится прежде всего участником определенной традиции, что важнее для его самоидентификации, чем религиозное имя, которое он может принять или носить. Это особенно ярко видно в протестантизме. Например, в группу evangelicals могут входить лица и общины, носящие разные деноминационные имена (баптисты, пятидесятники, пресвитериане, методисты и даже католики и православные). Таким образом, традиция, а не имя (деноминация) выступает в качестве инструмента самоидентификации.

Традиция осознается каждым членом сообщества прежде всего в виде обычаев, т.е. иногда зафиксированных, а чаще всего неписанных норм поведения, а в поведенческом контексте реализуется в виде стереотипов. Некоторые исследователи⁹ вообще отождествляют традицию со стереотипами, хотя это значительное упрощение. Думается, что стереотипное поведение и стереотипное мышление формируется обычаями группы, в которых традиция данного сообщества отражает себя. Поэтому каждый новый член, входя в определенное сообщество (например, в баптистскую общину), воспринимает стереотип поведения, выраженный в виде обычая, или отрицает его вплоть до бунта. Таким образом традиция как самый широкий и чаще всего неосознаваемый феномен, воспринимается как набор обрядов поведения и даже мышления и передается в качестве стереотипов или речевых штампов и стандартов поведения. Это объясняет существование различных религиозных субкультур со своими с характерными стереотипами языка и поведения. При этом, в отличие от законов, — традиции, обычаи и стереотипы формируются без легальных юридических процедур. Они создаются стихийно в зависимости от динамики развития социума, или группы, сохраняя сущностные элементы своего образования. Любая церковная (либо социальная) группа имеет свою Традицию (с большой буквы), как совокупность основополагающих особенностей, определяющих самоидентификацию этой группы, а также имеет традиции, как локализованные формы существования общей Традиции. В этом смысле можно говорить о баптистской Традиции (с большой буквы) и о локальных баптистских традициях (с маленькой буквы).

Эти предпосылки дают возможность сформулировать общее представление о традиции. *Понятие традиция — это предельно широкое поле социального, культурного, религиозного и иного наследия, переданного из прошлого, динамически развивающегося в настоящем, и составляющее самоидентификацию определенного сообщества.*

Это определение указывает, что традиция всегда получена из прошлого, но каждый новый участник традиции, имея индивидуальные особенности, входя в разные группы одновременно и таким образом, будучи носителем разных

⁸ Там же, 168-69

⁹ Э. С. Маркарян, «Узловые проблемы теории культурной традиции», *Советская этнография*, вып. 2 (1981 г.): 78-96.

традиций, привносит в каждую из традиций свой индивидуальный опыт и тем самым влияет на их формирование. Т.е. традиция не может быть запечатанным пакетом, переданным из прошлого, который вынуждает получателей либо беспрекословно подчиниться (в традиционалистском подходе) либо бунтовать и отвергать (в модернистском). Реальность традиции в том, что она приходит из прошлого, но динамически развивается в настоящем с тем, чтобы передать себя в будущее. Поэтому динамичность традиции должна описываться не языком изменчивости и неуловимости, а терминами *эластичности*. Другими словами, хотя традиция обогащается и меняется, эти изменения происходят медленно, сохраняя сущностную составляющую именно этой, конкретной традиции. Как живое существо находясь во времени, постоянно меняется и внешне, и внутренне (и телесно и духовно), но при этом остается определенной индивидуальностью, отличной от почти бесчисленного числа другие подобных существ, так и традиция сохраняет свою устойчивость при постоянных изменениях.

Традиция, как самоидентификация группы, является сущностной характеристикой группы и потому динамически развиваясь с самой группой, преломляется в сознании членов группы разными способами. Часть группы начинает сопротивляться нарастающей сложности жизни и ее обновлению и старается сохранить не только принципы, составляющие сущность традиции, но и специфическую культурно-временную форму. Другая, обычно меньшая часть группы старается активно адаптировать и контекстуализировать традицию к меняющимся условиям. Так возникает диалектическое напряжение здорового развития. Любое сообщество или группа имеет элементы традиционности и модернизма одновременно и очевидно не существует группы, которая неизменна в традиции или наоборот, могла бы ее лишиться и постоянно менять. Поэтому баптистские общины, как и любые другие социальные группы отличаются между собой только долей традиционности и модернизма и условно называются традиционалистскими, если процент неизменности традиций, пришедших из прошлого выше (или значительно выше) процента их изменчивости. Правдиво и противоположное. Быстрые изменения формы способны влиять на сущностные характеристики группы так, что она может полностью потерять свою традицию и таким образом свою самоидентификацию. Следовательно, традиция важна не меньше, чем инновация, если общество хочет остаться самим собой. Это заставляет подняться над предвзятым бинарным противопоставлением традиционности и прогрессивности и заключить, что для нормального функционирования любой религиозной системы необходимо их гармоничное сочетание.

Понятие Традиции как самоидентификации баптистской общины обязывает разграничить эту категорию с традиционализмом, консерватизмом и фундаментализмом.

Обычно философским или идеологическим традиционализмом называют осознанное и сформулированное мировоззрение, отвергающее нововведения и превозносящее традицию как некую суммарную мудрость, полученную из

прошлого и имеющую сакральный характер. В философской мысли последних веков, в соответствии с законом реакции на идеи модернизма и либерализма эпохи Просвещения, появился и продолжает развиваться интегральный традиционализм. Это религиозно-философское учение, которое считает, что основой здорового и процветающего общества является не прогресс и постоянное обновление, а возвращение к исходной, единой для всего человечества, примордиальной традиции, которая утрачена в процессе развития человеческого общества. Философское обоснование этому движению придал французский философ-изотерик Рене Генон (1886-1951) и целый ряд влиятельных французских (и отчасти немецких) традиционалистов первой четверти XX в. (Юлиус Эвола, и др), сформировавших идеологию крайне правых политических группировок. Как определяет традиционализм Ален де Бенуа, лидер «новых правых» во Франции: «У традиции нет ничего общего ни с местным колоритом, ни с народными обычаями, ни с причудливыми действиями местных жителей, которые собирают изучающие фольклор студенты. Это понятие связано с истоками: традиция – это передача комплекса укоренённых способов облегчения нашего понимания сущностных принципов универсального (вселенского) порядка»¹⁰. Именно идея универсального или интегрального первоначала всех религиозных и социально-политических основ человеческого сообщества, лежит в основе философского традиционализма. Как пишет Кирилл Товбин, ссылаясь на Виталия Аверьянова: «Традиция есть цепь непрерывной и непрестанной смыслопередачи Священного – именно по этой причине Традиция именуется с заглавной буквы, в противовес традиции как устоявшегося образа социального бытия»¹¹. В разных контекстах эта философия принимает разные формы, но определяющей является идея отрицания всего рационального и модернистского, выявление изначально заложенного священного смысла всего сущего и попытки возвращения к «золотому веку» человечества (иногда конкретного государства).

Баптистский традиционализм не является сложившимся и систематизированным мировоззрением по аналогии с философским традиционализмом, но имеет много общих черт с последним. По сути, это определенное умонастроение, ориентирующееся на апостольский век христианства и направленное на отвержение либеральных взглядов и практик в богословии, а еще чаще в богослужении и практике жизни. Оно близко к определению традиционализма данного социологом Владимиром Гусевым: «традиционализм – автоматическое, нерелективное, подсознательное следование традиции»¹². Баптистские традиционалисты, конечно, категорически отвергают идею выявления единого Начала

¹⁰ Ален де Бенуа, «Определение Традиции», *Культурно-философский альманах «ПОЛЮС»*, вып. 1 (2010 г.), <http://nordlux-digi.org/shop/product/23.html>.

¹¹ Кирилл Товбин, «Традиционная духовность в ракурсе традиционалистской методологии», в *Традиция и традиционализм. Альманах (2012-2013)*. (Донецк: Донбас, 2013), 242

¹² Владимир Алексеевич Гусев, «Консервативные идеологии», *Социологические исследования*, вып. 11 (1994 г.), 132

(Адвайта, Священное, Бездна, транс-тьма и пр.) во всех религиях. Они ориентированы на поиски изначальной, примордиальной сущности христианства, причем не столько пытаются выявить и описать идею чистого, неповрежденного христианства ранней Церкви, сколько предпринимают активные попытки реконструировать и повторить ее, во всяком случае, внешне. Таким образом, в реальности они локализуют идею философского интегрального традиционализма в христианском дискурсе.

Этот образ мысли близок к консерватизму, но не совпадает с ним. Целый ряд авторов¹³ разделяют эти два умонастроения. Философия консерватизма старается сохранить принципы и ценности старого порядка, полученные из прошлого, «Идеология же традиционализма направлена не столько на сохранение определенного общественного состояния, сколько на его реконструкцию на принципиально иных началах, нежели предлагаемые общественным проектом модернизма, воплощенном в либеральной идеологии»¹⁴, — указывает д.ф.н. Мария Федорова. Таким образом, консерватизм более направлен на сохранение идей, в то время как традиционализм скорее озабочен активным преобразованием настоящего в соответствии с идеалом прошлого и часто концентрируется на форме.

Еще одним родственным понятием является фундаментализм, который в отличие от традиционализма оформился в баптизме в самостоятельное направление во второй половине XIX — в начале XX в. и пережил определенное возрождение с 80-х годов прошлого столетия. Его идейная установка была чрезвычайно близка к философии традиционализма и заключалась в усилиях по восстановлению утраченной в протестантском богословии основополагающей традиции буквального понимания библейского текста. Это движение полностью отвергает рациональные и аллегорические интерпретации и выступает за недопустимость реформирования богослужебной практики, воюя против эволюционизма, модернизма и других движений Нового времени. По словам одного из влиятельных исследователей этого явления Зелмана Исааковича Левина, фундаментализм это: «очищение ортодоксии от искажений и чуждых наслоений»¹⁵. К этому определению можно было бы добавить, что фундаментализм озабочен не только очищением ортодоксии, но и ортопраксии. От евангельского консерватизма это движение отличается приверженностью к букве и к форме, а не к живому водительству Духа в гармонии с сущностью и содержанием учения Христа.

¹³ Евгений Валентинович Григоров, «Консерватизм и традиционализм: теория и идеология», *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, вып. 1 (2011 г.); Karl Mannheim, «Консервативная мысль», *Социологические исследования*, вып. 1 (1993 г.), 135 и др.

¹⁴ Мария Михайловна Федорова, «Традиционализм как антимодернизм», *Полис. Политические исследования*, вып. 2 (1996 г.), 2

¹⁵ З. И. Левин, *Фундаментализм*, Институт востоковедения РАН (М.: Крафт, 2003), 15

Формирование и сущность баптистской традиции

Подчеркивая свою оппозицию к традиции и имея в виду под этим понятием традиции исторических церквей, баптисты постоянно указывают на верность традиции ранней Церкви. Особенно ярко это проявилось в лендмаркистских группах баптистов, которые считают, что единственная Церковь Христова – это их баптистская церковь, которая существует с апостольских дней в лице мучеников, отверженных официальными церковными структурами. Как отмечает Джеймс Робинсон Грейвс, основатель этого движения, только баптисты: «могут считаться единственной христианской общиной, существовавшей со времен апостолов, и христианским обществом, которое сохранило чистое учение Евангелия на протяжении всех веков»¹⁶. Подавляющее большинство баптистских групп не принимает еkkлезиологию лендмаркизма, но все же настаивает, что баптисты наиболее точно восстановили богословие и этические нормы ранней церкви, которые постепенно искажались по мере развития христианства и его синкретизма с миром. Таким образом, отрицая современную им традицию других христианских групп, баптисты апеллируют к Традиции ранней Церкви и в этом смысле являются истинным традиционалистами, которые не столько озабочены сохранением традиций, сколько заняты реконструкцией (а скорее деконструкцией) первоначальной основополагающей традиции апостольского периода. Это идейная установка связывает баптистский традиционализм с философским традиционализмом и размежовывает с консерватизмом, который появился на более поздних этапах формирования баптистской традиции.

Баптистская традиция формировалась как отражение общехристианского наследия в специфической обстановке начала XVII в., в борьбе с католической (а позже православной) традицией, под лозунгом возвращения к исходной традиции апостольского периода. Сущность баптистской традиции состоит из целостного набора главных баптистских убеждений. Другими словами, это то, во что реально верят баптистские сообщества и отдельные их члены. Это не только и не столько артикулированные и осознанные, сколько их реальные убеждения. Говоря языком тринитарного богословия, баптистская традиция представляет собой сущность (усию) всех баптистских общин. Эта некая универсалия, которая, как и любая универсалия, не имеет онтологического бытия, но воипостазирруется в определенную форму жизни конкретных баптистских общин¹⁷. При этом баптистская традиция не является буквальным слепком, копирующимся в каждой из поместных общин, но выявляет себя контекстуально. Именно поэтому отдельные баптистские общины не похожи друг на друга, но при этом все они имеют в себе некую «баптистскость». Эту усийную «баптистскость» невозможно уловить вне ипостазированности. Она, как и любая усия выявляется только в конкрет-

¹⁶ James Robinson Graves, *The Trilemma; Or, Death By Three Horns*, J. R. Graves and Son (Memphis, TN, 1890), 120

¹⁷ Язык тринитарного богословия в еkkлезиологии используется многими исследователями. См. например, Архімандрит Кирило (Говорун), *Мета-Екклєзіологія: Хроніки Самоусвідомлення Церкви* (Київ: Дух і Літера, 2018), 252

ной ипостаси и только через нее может быть описана. Понятно, что конкретная баптистская община, как ипостась Вселенской церкви в мире обладает несовершенством и, конечно, не может во всем повторить сущностное совершенство истинного Тела Христова.

Ипостазированность отдельной общины в первую очередь выражается не в здании или форме богослужения или в наборе конкретных людей, записанных в церковной книге, хотя все это также элементы общинной ипостасности. Но главными признаками определенной ипостасной общины являются ее убеждения — набор конкретных верований, взглядов и форм поведения, а также некая духовная атмосфера общины. Для иллюстрации можно провести аналогию с отдельной личностью. Существует некая общечеловеческая сущность, которая делает любого человека человеком, в отличие от животных, от Ангелов или любой другой сущности. Эту усийность человека невозможно уловить и очень трудно сформулировать, но она воипостазирывается, выявляется в конкретной форме для каждого отдельного человека и существует не столько в «вещественности» человека, т.е. в наборе специфических признаков определяющих его индивидуальность, сколько в его убеждениях, ценностях и в определенном духовном состоянии. Другими словами, усия существует в конкретной ипостасности, выраженной личностными (а не только индивидуальными) характеристиками телесности, душевности и духовности. Аналогичным образом описывается усийная сущность и ипостасность общины, которая сформирована не на основе общности интересов или целей, или на основе общественного договора (или даже завета), а на основе единства во Христе, в Его Крови, в факте крещения и общей Трапезы Господней. Только в том случае, если баптистская община представляет собой не собрание единомышленников, а собрание учеников Христа, призванных Им и введенных в Его Тело-Церковь и странствующих под Его руководством к Небесной Отчизне, она будет воипостазировать христианство в форме баптистской традиции. Другими словами, поместная баптистская церковь, как конкретная хронотопная община будет реальной ипостасью Церкви-Тела Христова, если будет выявлять реальные признаки, присущие самому Христу, а потому характерные для Его Тела. Другими словами, жизнь Христа должна выявляться в жизни конкретной общины, как и в жизни отдельного христианина, если он законный чадо Божье.

Ипостасность общины частично реализуется в вещиности (предметности) но более полно и определенно — в убеждениях. Выдающийся баптистский богослов Джеймс Маклендон считает, что именно убеждения, а не формальные исповедания веры, внешняя форма богослужений или организации общинной жизни выявляют баптистскую традицию. По его мнению, убеждения — это то, что делает личность личностью и общину общиной. По сравнению с мнениями, взглядами и другими формами выявления внутреннего выражения личности или группы, убеждения — наиболее стойкие феномены. Маклендон пишет: «Мои убеждения — это дерзновенные верования, которыми я живу, или, не сумев их прожить, я предаю себя».¹⁸

¹⁸ James McClendon Jr, *Ethics: Systematic Theology*, vol. 1 (Abingdon Press, 2011), 22

Убеждения формируют баптистскую традицию, которая выявляет себя в исповеданиях веры общины, в проповеди, в документах (книгах, статьях, исповеданиях), но что еще важнее, в практике ее жизни. Вера отдельных баптистских общин на протяжении истории выкристаллизовывалась, оттачивалась и формировалась на основании личного и коллективного понимания Библии под воздействием разного культурного окружения. Эта вера имеет специфические особенности по сравнению с верой англиканских, католических, православных или любых иных общин. Эти, отличительные от других, общинные убеждения, позволяют говорить о сущности баптистской традиции.

Разные авторы описывают их по-разному. Большинство указывает на основные баптистские принципы¹⁹, известный историк Вальтер Шарден в качестве системообразующего фактора выделяет понятие свободы. Он пишет о 4 хрупких свободах – свободе Библии, свободе души, свободе церкви и религиозной свободе²⁰. Джеймс Маклендон определяет особенности баптистской традиции более широко: «в первую очередь это осознание *библейской* истории как нашей (современной) истории, *свободы* как обязанности повиноваться Богу без государственной помощи или помехи, *ученичества* как жизни, превращающейся в послушание господству Иисуса, *общины* как ежедневного общения в видении, и *миссии* как ответственность за дорогостоящее свидетельство»²¹. Таким образом, в качестве главного определяющего фактора он выделяет актуализацию библейских идей в практической жизни общин. По его глубокому убеждению, главным признаком баптистской традиции является то, что баптисты не только провозглашают евангелие, но и практикуют его в повседневной жизни «здесь и сейчас». Поэтому можно сказать, что баптистская традиция, это не набор баптистских принципов, хотя внешне это может выглядеть так, но акцент на живой связи с воскресшим Христом и жизни под Его водительством. Как указывал на первом конгрессе баптистов в Лондоне в 1905 г. пастор из Торонто д-р Фриман, определяющим фактором баптизма является «сильное, живое и сознательное владычество Христа, вместе с твердым намерением достигнуть полного и вечного признания над собой Его личной, прямой, единой и никому не передоверяемой власти над человеческими душами»²².

Эти описания позволяют очертить основные индикаторы, указывающие на присутствие в общине или в отдельной личности настоящей баптистской традиции. *Сущность баптистской Традиции выявляется в христоцентричности, библеизме, индивидуальной свободе и независимости от церковных и государственных принуждений; в ученичестве, общинности и миссио-ориентированности.* Ясно, что конкретная форма, в которой проявляется эта традиция может варьировать акценты этих

¹⁹ Некоторые выделяют 5, другие 7 принципов баптизма, но их содержание в основном совпадает. Подробнее см. статью С. Санникова *История и анализ баптистских принципов*, <http://www.sannikov.info/beta/index.php/stati/bogoslovsko-istoricheskie-stati/156-istoriya-i-analiz-baptistskikh-printsipov>

²⁰ Walter B Shurden, *The Baptist Identity: Four Fragile Freedoms* (Macon, GA: Smyth & Helwys Publishing, Inc., 1993).

²¹ James McClendon Jr, *Ethics: Systematic Theology*, vol. 1 (Abingdon Press, 2011), 34

²² Василий Иванов и Дей Мазаев, *Всемирный конгресс баптистов в Лондоне 1905*, т. 1 (Ростов на Дону: Издание русских баптистов, 1907), 43

проявлений. В жизни отдельных общин баптистская традиция не всегда выявляет себя полностью и целостно, но именно она составляет «баптистскость», которая показывает — сохраняет ли сообщество усийную сущность баптизма. Другими словами, независимо от традиционности общины или ее модернистскости, принадлежность к баптизму следует оценивать по указанным маркерам, а не по форме служения или по формально принятому общиной исповеданию веры.

Баптистский традиционализм

Баптизм, как и любое религиозное движение, имея свою само идентифицирующую традицию, выявляет ее через традиционные формы поведения и, конечно, не лишен традиционализма.

В традиционности много прекрасного: появляется чувство принадлежности к движению, помещающее, образно говоря, в «операционную систему», которая облегчает ориентацию в религиозном пространстве. Традиционность способна сохранить веру, когда нет рациональных объяснений, которые могут прийти позже. Например, такие формы отрешенности восточноевропейской баптистской традиции как молитва на коленях, или дидактичность общего пения, практика общинных свободных молитв и др., существовали даже тогда, когда некому было дать им убедительного объяснения. Но, с другой стороны, традиционность может сковывать, если она застывает и теряет динамическую связь с обновлением. Такая застывшая традиционность становится фарисейским традиционализмом, который имеет хорошую цель — помочь в выполнении воли Божьей, но концентрирует внимание на принятой ранее форме выполнения этой воли, а не на внутреннем содержании, которое может принять другую форму в новых условиях. В таком понимании традиционализм не столько восстанавливает прошлое, сколько закрепляет его, подчеркивая сакральность и священную незыблемость первоначально принятого стереотипа, в то время как реализация традиции в форме консерватизма, пытается сохранить сущностную идею и контекстуализировать ее в новых условиях жизни. Таким образом, консервативная, но не фундаменталистская традиционность не отрицает изменений, но допускает их проверяя на идейной основе, взятой из прошлого. В случае баптистского консерватизма он сохраняет все сущностные признаки баптистской традиции в другом временном или культурном контексте. В этом смысле традиционализм и близкий к нему фундаментализм, можно определить как почти застывшую, мало развивающуюся традицию. Он похож на священный «пакет из прошлого» или, как метко определил эти понятия Ярослав Пеликан «Традиция — это живая вера мертвых; традиционализм — это мертвая вера живых»²³.

Традиционализм неизбежно присутствует во всех религиозных и социальных системах и имеет бесчисленное множество проявлений. Его отличительная черта в баптизме, как, собственно, и в православии, и в других религиозных традициях,

²³ Ярослав Пеликан, *Христианская традиция: История развития вероучения*, т. 1, 5 тт. (М.: Культурный центр Духовная библиотека, 2009), 9

в сакрализации и мифологизации прошлого. В этом религиозный традиционализм ортодоксальных христианских конфессий, отвергающих примордиальную традицию, по сути совпадает с философским эзотерическим традиционализмом, восстанавливающим эту традицию. Придание библейского обоснования исключительно прошлым формам богослужения, отвержение аналогичных обоснований другим, пришедшим позже; трепетно-святое отношение к старым обычаям и взглядам; сакральность прошлого с подчеркиванием его безгрешности и святости и скепτικο-критический взгляд на молодое поколение – это признаки традиционализма, а не традиции. Мышление этого типа характерно противопоставлением святого прошлого и греховного настоящего. Это антитезы: «благочестивые старцы и испорченная молодежь», «бывшее высоконравственное общество и современный развратный мир» «святое отечественное наследие и тлетворное западное влияние» и т.д.

Характерный пример такого мышления являет так называемое Инструктивное письмо, выпущенное руководством ВСЕХБ 12 апреля 1960 г. №765. Очевидной причиной этого инструктивного документа было требование советских государственных органов ограничить рост общин, и прежде всего приток новых членов из молодежи, в связи с очередным массовым наступлением на религию, обозначенным постановлением ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды». Однако, дальновидные политики из спецслужб имели и вторую цель – инспирировать раскол во ВСЕХБ и сталкивая разные группировки между собой, ускорить распад баптистского общества. Однако, форма и тональность документа, текст которого непосредственно готовился Президиумом ВСЕХБ, хотя и под давлением внешних структур, была задана традиционализмом и, по сути, он обнажил борьбу модернистских и традиционалистских тенденций в баптизме 50-х годов прошлого столетия.

Несказанное явно требование к старшим пресвитерам ограничить рост общин, было сформулировано таким фразами как: «в некоторых общинах устраиваются декламации стихотворений, праздники хора, имеющие концертный характер с употреблением инструментов, чуждых нашей практике, например, гитар, мандолин, балалаек, аккордеонов и других подобных инструментов, и тем самым нарушают благоговейность наших богослужений»²⁴. и далее: «единственными музыкальными инструментами при богослужении являются фисгармонии, орган и, в исключительных случаях, пианино, как наиболее содействующие благоговейности наших собраний»²⁵. Искреннее желание сохранить чистоту общины использовалось для создания препятствий для приема новых членов и прежде всего молодежи: «Подход к приему новых членов общины ЕХБ должен быть более тщательным: с момента подачи заявления о приёме и до испытания должно пройти не менее 2-3 лет, с тем, чтобы наши общины не засорялись плевелами как

²⁴ Президиум ВСЕХБ, «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ», 1960 г., Архив ВСЕХБ (Москва), п. 4, с. 1-2 (орфография оригинала).

²⁵ Там же, п. 3, с. 9

говорит Христос в Своей притче о плевелах (Матф. 13, 24-27). При приеме, кандидату в члены общины необходимо придти с одним из членов общины, знающим его жизнь и поведение»²⁶. Совершенно очевидно, что главная забота авторов письма была не в благочестии и чистоте баптистских общин, но одной из важнейших мировоззренческих причин, по которой Инструктивное письмо было принято многими служителями и членами поместных баптистских церквей, заключалась в том, что оно резонировало с их локализацией баптистской традиции. По направленности и по фразеологии оно соответствовало их желаниям сохранить чистую баптистскую традицию в той форме, которая была в период расцвета и активного роста евангельско-баптистского движения в первые 20 лет XX ст.

Большая группа (особенно старшее поколение) ЕХБ идеализировала «золотой век братства» и тяготела к строгому порядку и православно-молоканскому благочестию и поэтому не особенно поддерживало новые формы богослужения, не слишком глубокие проповеди молодых проповедников, современные, светские мелодии в стиле романса и музыкальные инструменты. Этому в немалой мере способствовала общая строгость и дисциплина, насаждаемая в государстве со сталинских времен. Ревность молодежи, которая выливалась в активном миссионерском порыве, не особенно приветствовалась старшим поколением для которых прежде всего казалось важным «собраться, помолиться Богу и послушать Слово Божье». Именно поэтому инструктивное письмо и деятельность старших пресвитеров начала 60-х годов, вызвало раскол во ВСЕХБ. Таким образом, конфликт традиционализма и прогрессивизма, а не только (а может быть и не столько) противостояние «предателей» и «героев» или «старших и молодых», стал мировоззренческим фактором успеха антирелигиозной деятельности Совета по делам религий и спецслужб, хотя безусловно факторы податливости и героизма, конфликта поколений и т.д. также сыграли свою роль.

Другая характерная черта любого традиционализма, в том числе и баптистского — мифотворчество, акцент на героях-страдальцах, подвижниках прошлого и пренебрежительное отношение к обыденному подвигу христианской жизни. Это постоянные рассказы о трудностях христианской жизни в атеистический период, о гонениях и стойкости старшего поколения, мифологемы предателей и героев. Ярким примером этой черты баптистского традиционализма является подшивка журналов «Вестник спасения» (1963-1975) и пришедшего ему на смену «Вестник Истины» (1976-2012)²⁷. Например, последние 3 номера этого издания за 2012 г. посвящены памяти руководителей МСЦ ЕХБ. №1 — памяти Дмитрия Минякова, №2 — памяти Михаила Хорева, №3 — Виктора Моша. После 2012 г. издание в формате виденья прежней редколлегии прекратилось. Произошла смена редколлегии и коррекция направленности журнала.

В этом смысле интересно сопоставление описательного типа биографий, написанных в духе традиционализма с богословско-аналитическим подходам к

²⁶ Там же, п. 1, с. 7

²⁷ Всю подшивку этих журналов можно найти здесь http://reformzerkvi.com/?page_id=1747

биографике с точки зрения консервативного подхода. Образцом героико-описательного подхода могут служить книги Леонида Коваленко «Облако свидетелей Христовых»²⁸ Веры Родославовой «Отец любит»²⁹ или автобиографическая книга Иосифа Бондаренко «Три приговора»³⁰ и многие другие. Такой подход безусловно важен, потому что дает вдохновение к посвященной христианской жизни, глядя на героизм предшественников указывает на идеалы и примеры подражания, позволяет наглядно передать некоторые духовные наставления для настоящего. Но при этом он отражает традиционалистскую тенденцию, которая мало учитывает изменившиеся условия. Опыт жизни в стране воинствующего атеизма не всегда применим к реалиям свободы и искушениями плюрализма и вещизма. Гораздо более аналитическим является подход Александра Нагирняка в книге «Подвижники веры»³¹, где он акцентирует внимание на мировоззренческих и богословских взглядах своих героев, хотя такой анализ делается только изредка и недостаточно углубленно. Но в его работе нет любования героическим прошлым, а делается попытка его оценки с обобщениями, которые позволяют сделать выводы для настоящего. Образцом противоположного традиционализму подхода, можно назвать книгу Иоганнес Дика «У колыбели братства»³², посвященную Иоганну Вилеру. В ней автор через жизнь одной из ключевых фигур в истории евангельско-баптистского братства, показывает путь восточноевропейского баптизма от эгалитарного братства, не особенно связанного рамками конкретной общины к централизованным структурам (Союз баптистов) и к усилению роли поместной общины и ее пресвитера. В этой книге, несмотря на обилие первичного материала и скрупулезное внимание к нему, на первый план выступает богословско-аналитический анализ, результаты которого дают возможность прошлому не столько стать дословным примером настоящего, сколько научить баптизм ориентироваться в современной жизни.

Еще одной характерной чертой традиционализма является обязательное наличие врага. Традиционалисты успешны только когда есть борьба с либералами, модернистами или другими прогрессистами. В современном обществе, где активно насаждается материалистическая ориентация в противовес духовной, моральный релятивизм в противоположность традиционной христианской этике, гендерная терпимость в отличии от классических семейных ценностей, культ постоянных перемен, вседозволенности и отсутствие однозначных истин, а не ясная однозначность, — традиционализму остается только ниша противостояния и неконструктивной критики. Все положительные предложения традиционализма связаны с идеализированными, романтическими формами мышления

²⁸ Леонид Коваленко, *Облако свидетелей Христовых (62 биографии с фотографиями)*, 2-е изд. (Киев: Центр христианского сотрудничества, 2000).

²⁹ Вера Родославова, *Отец любит* (Одесса, 2012).

³⁰ Иосиф Бондаренко, *Три приговора* (Одесса, 2006).

³¹ Александр Нагирняк, *Подвижники веры* (Киев: Книгоноша, 2014).

³² Иоганн Дик, *У колыбели братства. Иоганн Виллер (1839-1889) и общины евангельских христиан в России* (Steinhagen: Samenkorn, 2017).

и практики прошлой жизни, которые он предлагает воспроизвести в новых, кардинально изменившихся условиях жизни Церкви и социума. Этим объясняется борьба с современными музыкальными инструментами с требованием замены их народными (балалайки, мандолины и пр.) или запрет на использование фонограмм во время богослужений и проповеди с айпада или мобильного телефона. Консерватизм в этом отношении требует не возврата в сравнительно недалекое прошлое, а настаивает на сохранении глубинных литургических основ и использования классики, проверенной веками — а капелльное пение, качественная классическая музыка, глубокое смысловое содержание текстов. Требование внешнего врага переключает внимание с серьезной душепасторской работы по уменьшению количества разводов и увеличение рождаемости в христианских семьях на публичные акции запрета ЛГБТ. Консерватизм предлагает более продуктивную программу восстановления семейных ценностей, обучения христианской этики, методы церковного семейного воспитания и др.

Здесь приведены только некоторые характерные черты баптистского традиционализма, исследование которого должно продолжиться не только с академической, но и с чисто практической целью выбора правильного пути развития в современном обществе.

Заключение

Баптистское движение характеризуется двойственным, противоречивым отношением к традиции. Будучи детьми эпохи Просвещения³³, баптисты заявляют о своем полном отвержении всякой человеческой традиции, но в то же время, имеют собственную устойчивую Традицию как групповую самоидентификацию и пройдя достаточный исторический путь институализации, выявляют черты традиционализма.

Обычно Традиция с большой буквы, в отличии от обычаев, стереотипов и фиксированных норм мышления и поведения группы, понимается как совокупность наследия, полученного из прошлого и контекстуально развивающегося в настоящем. Традиция с большой буквы, говоря языком тринитарного богословия, представляет собой неverified усую (баптистскость), которая ипостазирруется в виде локальной рефлексии в поместной общине и эту локализацию часто воспринимают как традицию с маленькой буквы.

Авторитетные исследователи баптизма описывают сущность баптистской Традиции набором неких убеждений, через призму которых члены баптистских церквей прочитывают свои богословские взгляды, вероисповедальные принципы, литургические формы поклонения и практику общинной и личной жизни. Суммируя различные взгляды можно сказать, что баптистская традиция характеризуется *христоцентричностью, библеизмом, индивидуальной свободой и независимостью от*

³³ Антони Кросс и Филипп Томпсон пишут: «Как дети Просвещения баптисты слишком часто бесознательно впитывали просвещенческие предпосылки» (Anthony R Cross and Philip E Thompson, eds., *Baptist Sacramentalism*, vol. 5 (Eugene, Or: Wipf and Stock Publishers, 2006, p.1).

церковных и государственных принуждений, ученичеством, общинностью и миссио-ориентированностью. Эти убеждения по-разному проявляют себя в хронотропных общинах и формируют локальные традиции.

Ипостазированность Традиции в виде местных традиций, проявляется в форме конкретных обычаев общины и характерных для нее стереотипов. Эти видимые формы Традиции имеют тенденцию закрепляться в коллективном сознании и принимать форму традиционализма. Баптистский традиционализм ориентирован на неизменное сохранение прошлого, подчеркивая библейскую обоснованность и священную недвижимость первоначально принятого стереотипа или обычая и предпринимает активные попытки реализовать его в современных условиях. Он рассматривает феномен, пришедший из прошлого, как некий священный пакет, который характерен такими чертами как:

- сакрализация прошлого образа жизни и давних правил поведения, т.е. придания им идеализированного характера;
- мифологизация героев и событий прошлого и рассказ о них в описательном и нравоучительном нарративе;
- концентрация на прошлом, романтический взгляд на него и использование бинарных временных (убогое настоящее и прекрасное прошлое) или культурных (тлетворный Запад и духовный Восток) описаний;
- поляризация и поиск внешнего врага по принципу «свой-чужой». Оборонительное или апологетическое мировоззрение;

Баптистский традиционализм, как и философский, интегральный традиционализм достаточно активен. Он не просто пассивно вспоминает о прошлом, но старается его реконструировать. Как и философский традиционализм, баптистский озабочен возвращением к святому, чистому и неповрежденному первоначалу христианства в виде апостольской церкви, описанной в книге Деяний, отрицая контекстуализацию. Однако, на самом деле он чаще всего переносит практику апостольского христианства на ранние периоды своей локальной истории и пытается воспроизвести ее в изменившихся условиях, тормозит развитие общины. Более положительный вклад в здоровое развитие приносит консерватизм, который ориентирован на сохранение сущностной идеи баптистской Традиции и контекстуализации ее в новых условиях жизни. Консерватизм старается сохранить убеждения (convictions) и ценности, а не форму и прежнюю локализацию. Поэтому он всегда более аналитичен и глубок, направлен более на сохранение идей, в то время как традиционализм скорее озабочен активным преобразованием настоящего в соответствии с идеалом прошлого и часто концентрируется на форме. Консерватизм озабочен сохранением Традиции, а фундаментализм требует очищения ортодоксии и ортопраксии от всего чуждого.

Традиционализм и консерватизм играют важную сохраняющую роль в жизни баптистских общин, вступая в диалектическое напряжение с прогрессивизмом и модернизмом, которые направлены на отрицание всякой традиционности и непростое взаимодействие этих тенденций обеспечивает самоидентификацию конкретной поместной церкви.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bebbington, D.W. *Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s*. Taylor & Francis, 2004.
- Cross, Anthony R, and Philip E Thompson, eds. *Baptist Sacramentalism*. Vol. 5. Eugene, Or: Wipf and Stock Publishers, 2006.
- Graham, William A. 'Traditionalism in Islam: An Essay in Interpretation'. *The Journal of Interdisciplinary History* 23, no. 3 (1993): 495–522.
- Graves, James Robinson. *The Trilemma; Or, Death By Three Horns*. J. R. Graves and Son. Memphis, TN, 1890.
- McClendon Jr, James. *Ethics: Systematic Theology*. Vol. 1. Abingdon Press, 2011.
- Neuhaus, Richard John, and Michael Cromartie. *Piety and Politics: Evangelicals and Fundamentalists Confront the World*. Ethics & Public Policy Center, 1987.
- Shils, Edward. *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
- Shurden, Walter B. *The Baptist Identity: Four Fragile Freedoms*. Macon, GA: Smyth & Helwys Publishing, Inc., 1993.
- Smith, Wilfred Cantwell. *The Meaning and End of Religion*. Fortress Press, 1963.
- Yadgar, Yaacov. 'Tradition'. *Human Studies* 36, no. 4 (2013): 451–70.
- Бенуа, Ален де. 'Определение Традиции'. *Культурно–философский альманах "Полюс"*, vol. 1 (2010). Available at: <http://nordlux-digi.org/shop/product/23.html>. (accessed 5 February 2020).
- Бондаренко, Иосиф. *Три приговора*. Одесса, 2006
- Григоров, Евгений Валентинович. 'Консерватизм и традиционализм: теория и идеология'. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, vol. 1 (2011).
- Гусев, Владимир Алексеевич. 'Консервативные идеологии'. *Социологические исследования*, vol. 11 (1994): 129–35.
- Дик Иоганнес. *Уколыбели братства. Иоганн Вилер (1839-1889) и общины евангельских христиан в России*. Steinhagen: Samenkorn, 2017.
- Злобіна, О., В. Тихонович. 'Традиціоналізм та інновація в українському вимірі'. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, vol. 4 (2006): 69–93.
- Иванов, Василий, Дей Мазаев. *Всемирный конгресс баптистов в Лондоне 1905*. Т. 1. Ростов на Дону: Издание русских баптистов, 1907.
- Кирило (Говорун), архимандрит. *Мета-еклезіологія: хроніки самоусвідомлення Церкви*. Київ: Дух-і-літера, 2018.
- Коваленко, Леонид. *Облако свидетелей Христовых*. Киев: Центр христианского сотрудничества, 2000.

- Левин, З. И. *Фундаментализм*. Институт востоковедения РАН. М.: Kraft, 2003.
- Мангейм, Карл. 'Консервативная мысль'. *Социологические исследования*, no. 1 (1993): 126–38.
- Маркарян, Е. С. 'Узловые проблемы теории культурной традиции'. *Советская этнография*, vol 2 (1981): 78–96.
- Нагирняк, Александр. *Подвижники веры*. Киев: Книгоноша, 2014.
- Пеликан, Ярослав. *Христианская традиция: История развития вероучения*. Т.1. М.: Культурный центр "Духовная библиотека", 2009.
- Президиум ВСЕХБ. 'Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ'. 1960. Архив ВСЕХБ (Москва).
- Родославова, Вера. *Отец любит*. Одесса, 2012.
- Товбин, Кирилл. 'Традиционная духовность в ракурсе традиционалистской методологии'. *Традиция и традиционализм. Альманах (2012-2013)*. 240–61. Донецк: Донбас, 2013.
- Федорова, Мария Михайловна. 'Традиционализм как антимодернизм'. *Полис. Политические исследования*, vol. 2 (1996): 143–60.
- Хоружий, Сергей Сергеевич. 'Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов'. *Вопросы философии*, vol. 9 (2017): 104–20.

BIBLIOGRAPHY

- Bebbington, D.W. *Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s*. Taylor & Francis, 2004.
- Benua, Alen de. *Opredelenie Traditsii* [Definition of Tradition]. Kul'turno–filosofskii al'manakh "POLIUS", vol. 1 (2010). Available at: <http://nordlux-digi.org/shop/product/23.html>. (accessed 5 February 2020).
- Bondarenko, Iosif. *Tri prigovora* [Three Sentences]. Odessa, 2006
- Cross, Anthony R, and Philip E Thompson, eds. *Baptist Sacramentalism*. Vol. 5. Eugene, Or: Wipf and Stock Publishers, 2006.
- Dick Johannes *U kolybeli bratstva. Johann Wieler (1839-1889) i obshchiny evangel'skikh khristian v Rossii*. [At the Cradle of the Brotherhood. Johann Wieler (1839-1889) and the Community of Evangelical Christians in Russia.] Steinhagen: Samenkorn, 2017.
- Fedorova, Mariia Mikhailovna. *Traditsionalizm kak antimodernizm*. [Traditionalism as Anti-Modernism] Poliss. Politicheskie issledovaniia, vol. 2 (1996): 143–60.
- Graham, William A. 'Traditionalism in Islam: An Essay in Interpretation'. *The Journal of Interdisciplinary History* 23, no. 3 (1993): 495–522.

- Graves, James Robinson. *The Trilemma; Or, Death By Three Horns*. J. R. Graves and Son. Memphis, TN, 1890.
- Grigorov, Evgenii Valentinovich. *Konservativizm i traditsionalizm: teoriia i ideologiya* [Conservatism and Traditionalism: Theory and Ideology]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 1 (2011).
- Gusev, Vladimir Alekseevich. *Konservativnye ideologii*. [Conservative Ideologies] *Sotsiologicheskie issledovaniia*, vol. 11 (1994): 129–35.
- Ivanov, Vasilii, Dei Mazaev. *Vsemirnyi kongress baptistov v Londone 1905*. [The 1905 Baptist World Congress in London] vol. 1. Rostov na Donu: Izdanie russkikh baptistov, 1907.
- Khoruzhii, Sergei Sergeevich. *Zlokliucheniiia traditsii, ili Pochemu nuzhno zashchishchat' traditsiiu ot traditsionalistov*. [Misadventures of Tradition, or Why We Need to Protect Tradition from Traditionalists] *Voprosy filosofii*, vol. 9 (2017): 104–20.
- Kovalenko, Leonid. *Oblako svidetelei Khristovykh* [The Cloud of Christ's Witnesses] Kiev: Tsentr khristianskogo sotrudnichestva, 2000.
- Ky'ry'lo (Govorun), Arximandry't. *Meta-Ekleziologiya: Khroniky' Samousvidomlennya Cerkvy* [Meta-Ecclesiology: Chronicles of Church-Awareness]. Ky'yiv: Dukh i Litera, 2018.
- Levin, Z. I. *Fundamentalizm*. [Fundamentalism] Institut vostokovedeniia RAS. M.: Kraft, 2003.
- Mannheim, Karl. 'Konservativnaia mysl'' [Conservative Thought]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1 (1993): 126–38.
- Markarian, E. S. *Uzlovye problemy teorii kul'turnoi traditsii*. [Nodal Problems of the Theory of Cultural Tradition] *Sovetskaia etnografiia*, vol 2 (1981): 78–96.
- McClendon Jr, James. *Ethics: Systematic Theology*. Vol. 1. Abingdon Press, 2011.
- Nagirniak, Aleksandr. *Podvizhniki very*. [Champions of Faith] Kiev: Knigonosha, 2014.
- Neuhaus, Richard John, and Michael Cromartie. *Piety and Politics: Evangelicals and Fundamentalists Confront the World*. Ethics & Public Policy Center, 1987.
- Pelikan, Iaroslav. *Khristianskaia traditsiia: Istoriia razvitiia veroucheniia*. [The Christian Tradition: a History of the Development of Doctrine] Vol 1. M.: Kul'turnyi tsentr Dukhovnaia biblioteka, 2009.
- Prezidium VSEKhB. *Instruktivnoe pis'mo starshim presviteram VSEKhB*, [Instructive Letter to Senior Elders] 1960, Arkhiv VSEKhB (Moscow).
- Rodoslavova, Vera. *Otets liubit*. [Father Loves] Odessa, 2012.
- Shils, Edward. *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
- Shurden, Walter B. *The Baptist Identity: Four Fragile Freedoms*. Macon, GA: Smyth & Helwys Publishing, Inc., 1993.

- Smith, Wilfred Cantwell. *The Meaning and End of Religion*. Fortress Press, 1963.
- Tovbin, Kirill. *Traditsionnaia dukhovnost' v rakurse traditsionalistskoi metodologii*. [Traditional Spirituality from the Perspective of Traditionalist Methodology] *Traditsiia i traditsionalizm. Al'manakh (2012-2013)*, 240–61. Donetsk: Donbas, 2013.
- Yadgar, Yaacov. 'Tradition'. *Human Studies* 36, no. 4 (2013): 451–70.
- Zlobina, O., V. Ty'xonovy'ch. «Tradycionalizm ta innovaciya v ukrayins'komu vy'miri». [Traditionalism and Innovation in the Ukrainian Dimension] *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketyng*, vol. 4 (2006): 69–93.